

«ВЕЧНАЯ ДЕТСКОСТЬ» КАК ФИЛОСОФСКИЙ ЛЕЙТМОТИВ ПОВЕСТЕЙ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА О ВЕЛИКОМ КРИСТАЛЛЕ

Елена Александровна Великанова*

Петрозаводская государственная консерватория

им. А. К. Глазунова,

Петрозаводск

Аннотация. Гуманистический пафос детской литературы во взаимосвязи философского и педагогического начал уникально и новаторски воплощен в творчестве В. П. Крапивина. На примере цикла «В глубине Великого Кристалла» в статье анализируются идеи писателя, глубоко укорененные в традиции отечественной научно-фантастической литературы, которые восходят к учению «Философии общего дела» великого русского философа-космиста Н. Ф. Фёдорова, где утверждается «конец сиротства: безграничное родство», или, по словам Н. А. Бердяева, «культ вечной детскости». Приводится отрывок из письма В. П. Крапивина автору статьи.

Ключевые слова: В. П. Крапивин, «В глубине Великого Кристалла», русский космизм, «Философия общего дела», Н. Ф. Фёдоров

---

* Е. А. Великанова — кандидат филологических наук, доцент кафедры музыкальной педагогики и гуманитарных дисциплин Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова, исследователь книг и фантастических миров В. П. Крапивина.

“ETERNAL CHILDHOOD” AS A PHILOSOPHICAL LEITMOTIF OF VLADISLAV KRAPIVIN’S STORIES ABOUT THE GREAT CRYSTAL

Elena Aleksandrovna Velikanova

*Glazunov Petrozavodsk State Conservatoire,
Petrozavodsk*

Abstract. The humanistic pathos of children’s literature in the interrelation of philosophical and pedagogical principles is uniquely and innovatively embodied in the work of V. P. Krapivin. Using the example of the cycle “In the Depth of the Great Crystal”, the article analyzes the writer’s ideas, deeply rooted in the tradition of Russian science fiction literature, which go back to the teachings of the “Philosophy of the Common Cause” of the great Russian cosmist philosopher N. F. Fedorov, which affirms “the end of orphanhood: limitless kinship”, or in the words of N. A. Berdyaev “the cult of eternal childhood”. An excerpt from V. P. Krapivin’s letter to the author of the article is given.

Keywords: V. P. Krapivin, “In the depths of the Great Crystal”, Russian cosmism, “Philosophy of the common cause”, N. F. Fedorov

Детская книга представляет собой парадоксальное явление: ее специфика определяется *двухадресностью*. «Пишите, пишите для детей, но только так, чтобы вашу книгу с удовольствием прочел и взрослый...» — призывал русских писателей В. Г. Белинский [1, с. 61].

Детский опыт чтения — некритичного, полного погружения в художественный мир произведения, в круг доступных возрасту вопросов — нередко создает иллюзию простоты у ставшего взрослым читателя, на что обращают внимание литературоведы [5; 7]. Ведь если даже в детстве «всё было понятно», то разве может быть какое-то другое содержание в знакомом тексте? Из-за сложности феномена детской книги «детское» литературоведение часто ошибочно относят к педагогическим дисциплинам.

Вдумчивое чтение и научное изучение детской литературы показывает обманчивость этой «простоты»: ведь при художественной

ценности, равной «взрослому» тексту, книга обязана учесть детский возраст читателя, который привносит почти бесконечный ряд требований: доступность и чистота языка, убедительность образов положительных героев, определенные свойства художественного мира, характер конфликта (он не может остаться непреодоленным) и так далее. *Гуманистический пафос* детской книги требует помимо художественного таланта цельности нравственной позиции и внутренней зрелости автора. Взаимодействие этих сложных элементов определяет *педагогическую установку* произведений для детей, призванных направить внимание ребенка в созидательное русло, воспитать, пробудить интерес к жизненным событиям, вселить оптимизм и веру в устойчивость и разумность «взрослого» мира, куда ребенок готовится вступить. Излишний дидактизм детской книги, равно как и ложная «раскрепощенность» автора, вызовет не только отрицательную реакцию читателя на художественную фальшь, но может негативно повлиять на его отношение к чтению и литературе в целом.

Таким образом, в отличие от «взрослой» литературы, детская литература имеет два тесно связанных начала: *философское* (гуманистическое, ценностное, этическое), которое хотелось бы поставить на первое место, и — *педагогическое*, связанное с влиянием на юного читателя с целью формирования у него этических и ценностных установок. «Взрослая» литература, безусловно, более свободна в этических экспериментах, даже противоречащих принципам существования здоровой личности, но шедевры «взрослой» литературы соответствуют тем же высоким требованиям. И философский, и педагогический аспекты произведений великих русских писателей и поэтов — Пушкина, Достоевского, Толстого, Тургенева — безупречны. Возможно, в этом кроется ответ на вопрос: почему школьникам, несмотря на споры современных педагогов, рекомендуется изучать классическую литературу. Тем не менее, оценить философскую и педагогическую ценность произведений детской литературы способен только взрослый читатель.

В наследии замечательного русского детского писателя Владислава Петровича Крапивина современный взрослый читатель и исследователь также может выделить эти два плана «взрослого»

содержания. И философская, и педагогическая мысль Крапивина недоступны прямому адресату произведений, читателю-подростку, но «взрослый подтекст» через недолгое время взросления проясняется для читателя и делает произведения Владислава Крапивина интересными людям разных поколений.

Философия и педагогические принципы Крапивина взаимообусловлены: главные вопросы в его книгах — смысл и предназначение человеческой жизни, идеал, нравственные и этические основы взаимоотношений людей. Художественное обобщение картины детства конца XX века предпринято Владиславом Крапивиним в цикле фантастических повестей «В глубине Великого Кристалла» (1988–1991). Как отмечала Л. Н. Колесова, цикл повестей является аналогом романа для взрослых в детской литературе [3], то есть позволяет охватить максимально широкую проблематику, коснуться многих аспектов человеческой жизни и сделать доступными для юного читателя множество сюжетных линий. Обширность проблематики нашла выражение в сложном *жанровом синтезе*. Несмотря на то что жанровой доминантой этого цикла является *научная фантастика* (образы героев-ученых, космические приключения), здесь очевидны черты психологической прозы, игровые принципы, сказочные и фольклорные элементы, в монтажной композиции цикла сказывается присущая творчеству писателя кинематографичность.

В цикле о Кристалле Вселенной ярко проявляется естественное развитие главных идей творчества Крапивина: от конкретных проблем детства, семьи и детского коллектива к глобальным социальным, а затем и к общечеловеческим вопросам философского и религиозного характера, поэтому этот цикл можно считать этапным для творчества писателя. Здесь отсутствует «школьная» проблематика, появляется взрослый герой.

«Космическая» направленность произведения, отвечающая масштабу замысла писателя, обращается к философской мысли конца XIX — первой половины XX века, так как, по проницательному замечанию крупнейшего отечественного исследователя фантастики Е. М. Неёлова, именно идеи *русского космизма* позволяют выявить философский пафос самого жанра научной фантастики.

Русский космизм родился в конце XIX века в учении мыслителя, философа-футуролога Н. Ф. Фёдорова, получившем название «Философия общего дела». Фёдоров утверждал, что «порожденный крошечной землей *зритель* безмерного пространства, зритель миров этого пространства, должен сделаться их обитателем и *правителем*» (курсив Н. Ф. Фёдорова. — *Е. В.*) [8, с. 528]. Известно, что идеи покорения космоса К. Э. Циолковского родились под влиянием Фёдорова, его труды вдохновляли и С. П. Королёва. В основе фёдоровской концепции преобразования человеком Вселенной лежат идеи *родственности* всех людей, которая разрушена фактом смерти общих прародителей, обретения *бессмертия* («регуляции природы») и главное — «патрофикации», то есть *воскрешения всех предков*, «отцов», при помощи науки, что и является «общим делом» человечества будущего.

Огромная численность воскресшего и ставшего бессмертным человечества потребует космических полетов и заселения других планет. «По Фёдорову, — пишет Е. М. Неёлов, — человечество есть глобальная Семья. Но это идеальное (и в то же время естественное и изначальное) состояние нарушено в современном мире... В мире господствуют небратские враждебные отношения. Небратские отношения, к сожалению, универсальны, и эта зловещая универсальность, не устает напоминать Н. Фёдоров, происходит в конечном счете из универсального факта смертной природы человека» [6, с. 264]. Фантастическое устремление, идеал, который будет создан руками поколений будущего, — *это восстановленная семья Вселенной*, словами философа: «конец сиротства: безграничное родство» [8, с. 528].

Идеи Фёдорова глубоко укоренены в фольклорной волшебносказочной традиции (например, обратимость и преодоление смерти при помощи живой и мертвой воды, возвращение молодости и мгновенные перемещения, победа жизни над смертью-Кощеем) и полно выражают те главные гуманистические и научные устремления, которые позднее привлекут ведущих мыслителей и писателей XX века и найдут яркое художественное воплощение в научно-фантастической литературе, а также во многих фантастических произведениях для детей, появившихся в 1960-е годы и позднее.

Обращаясь к проблемам детства, подчеркивая глобальность этих проблем, художники интуитивно следуют новому воплощению концепции великого русского философа, которая, как писал Н. А. Бердяев, заключалась в том, что «в противовес культу вечной женственности Фёдоров хочет утвердить *культ вечной детскости*» (курсив Н. А. Бердяева. — Е. В.) [2, с. 440]. В произведениях Крапивина главными носителями непреходящих ценностей становятся дети и те взрослые, что сохранили «память детства» (В. А. Рогачёв).

Идеи Фёдорова открыто звучат из уст самых запоминающихся героев цикла о Великом Кристалле — например, когда двенадцатилетнему сироте Ёжики сообщается о его скрытых способностях, которые в будущем позволят *«владеть тайнами пространства и времени и, может быть, тайной бессмертия»*, мальчик отвечает: *«Зачем мне бессмертие, если нету мамы...»* [4, с. 590]. Эта мысль, сформулированная очень по-фёдоровски и очень по-крапивински, — лейтмотив повестей о Великом Кристалле. Только родственность, любовь и дружба, осознание ценности человеческой жизни служат установлению истинной гармонии Вселенной.

11 декабря 2010 года Владислав Петрович сообщил в электронном письме автору статьи, что с увлечением познакомился с отправленной ему и выносимой на защиту в Петрозаводском государственном университете диссертацией «Цикл “В глубине Великого Кристалла” В. П. Крапивина: проблематика и поэтика» (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Е. М. Неёлов) [*«...будто окунулся в повесть с напряженным сюжетом, в центре которой оказался»*], где в том числе высказывалась идея о поиске философских истоков повестей цикла в «Философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова. Владислав Петрович отметил: *«Вы понимаете, что литератор работает над своими вещами где-то на уровне подсознания, не занимая себя никакими классификациями, теориями, выстраиваниями циклов и категорий. А теперь то, что я угадывал в своей работе интуитивно, Вы “разложили по полочкам”. В этом выражении нет ни капли иронии, только признательность. Вы сделали это профессионально, глубоко, тонко и деликатно. Я увидел себя со стороны глазами специалиста и очень по-доброму настроенного человека. Спасибо. У меня нет никаких возражений против Ваших*

суждений и оценок (разве что мелкие замечания, по поводу деталей, которых Вы не могли знать...)».

Творческие открытия Владислава Крапивина прочно вписаны в традицию русской словесности (не только литературы, но и фольклора) и имеют уникальные связи с русской философской мыслью. Пафос победы над смертью, преодоления несовершенств жизни и самосовершенствования оказывают большое нравственное влияние на читателя. Символика фантастических произведений, например, светящееся окно как символ возвращения домой, символ семьи, *родственности* Вселенной, и даже преодоления смерти, требует отдельного анализа. Общее направление творческого поиска, определившее новаторство писателя — обобщение и синтез значимых «вечных» нравственных вопросов в современности (например, «слезинка ребенка»), соединение «взрослого» и «детского» содержания, нетипичные жанровые решения, новый положительный герой — «крапивинский мальчишка» (описанный Л. Н. Колесовой и другими исследователями), психологизм и истинно педагогическая позиция создали новый канон отечественной фантастики, который требует разностороннего научного рассмотрения.

Список источников

1. *Белинский В. Г.* <О детских книгах> // Собр. соч. : в 9-ти т. Т. 3. М., 1976. С. 38–77.
2. *Бердяев Н. А.* Религия воскресения («Философия общего дела» Н. Ф. Фёдорова) // Н. Ф. Фёдоров: pro et contra : в 2 кн. Кн. 1. СПб., 2004.
3. *Колесова Л. Н., Окунева Г. Р.* Проблема циклизации в творчестве В. Крапивина («Мушкетер и фея») // Проблемы детской литературы: сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1989. С. 42–54.
4. *Крапивин В. П.* Застава на Якорном поле : Повесть // В ночь большого прилива : Повести. М., 2005–2009.
5. *Неёлов Е. М.* Заметки о «взрослых» смыслах детской литературы // Проблемы детской литературы и фольклор : сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 335–339.
6. *Неёлов Е. М.* От волшебной сказки к литературе: фольклорная трансформация евангельской традиции в учении Н. Ф. Фёдорова о воскреше-

нии // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994.

7. *Рогачёв В. А.* «Память детства» как категория поэтики детской литературы // Проблемы детской литературы : межвуз. сб. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1984. С. 111–114.

8. *Фёдоров Н. Ф.* Сочинения / Общ. ред. А. А. Гулыга ; вступ. статья, примеч. и сост. С. Г. Семёновой. М., 1982.